

В гостях у Гарста

В сентябре 1959 года, когда по приглашению президента Эйзенхауэра отец посетил Соединенные Штаты с официальным визитом, он специально попросил принимающую сторону предусмотреть в программе посещение фермы Росуэлла Гарста. Приезд отца произвел фурор. Визитеры подобного калибра обычно не посещают штат Айова. В одночасье фермер Гарст стал всеамериканской знаменитостью.

Гарсту очень хотелось показать отцу свои поля без помех, свозить на животноводческую ферму, на завод по калибровке кукурузы. Если следовать дипломатическому протоколу, то натыкаешься на сплошные ограничения, туда нельзя, сюда не ступи, к тому же стаи журналистов вокруг. Фермер предложил отцу сбежать и от протокола, и от журналистов. Он приедет за ним на своей машине на рассвете, пока свора сопровождающих еще спит, и они смогут осмотреть хозяйство.

Отец на секунду представил себе, какой переполох в обеих странах вызовет исчезновение, даже на непродолжительное время, Председателя Совета Министров СССР. Не скрою, его подмывало принять предложение, включиться в игру, но...

Выехали из гостиницы 23 сентября, в 9 утра, согласно расписанию. На своей ферме Гарст весь день боролся с вездесущими репортерами, отбивался от них кукурузными початками, швырял в них навозом и даже грозил спустить с цепи свирепого быка. Чем больше он распался, тем больше удовольствия доставлял журналистам, газетная информация расцвечивалась сочными фотографиями. Самая красочная появилась на обложке журнала «Лайф» от 5 октября 1959 года: смеющийся во весь рот отец с кукурузным початком в руке, рядом с ним счастливый Гарст, чуть позади – улыбающийся представитель Президента США Генри Кэбот Лодж, переводчик Госдепа Алекс Акаловский и, естественно, начальник охраны полковник Литовченко. На переднем плане чья-то рука сует отцу под нос микрофон. Внизу страницы скромно помечен тираж еженедельника – 6 миллионов 400 тысяч.

То, что Гарст подыгрывал журналистам – несомненно, такую рекламу удастся сделать раз в жизни. Но не это неважно, главное – день прошел удачно, и Гарст, и отец остались довольны. Показ достижений удался Гарсту на славу, отец только покрякивал: «Вот бы нам так».

В конце дня, когда суета поутихла, журналисты разбежались писать репортажи, провялять фотоснимки, отец с Гарстом смогли поговорить на досуге. Усевшись на террасе хозяйского дома, они, как и в 1955 году в Крыму, пили чай.

От Гарста отец, а следом за ним и все мы, сопровождавшие его лица, цугом направились в ближайший городишко Эймс, в Государственный университет естественных и технических наук штата Айова. Лучше бы отец туда не ездил, не бередил душу.

В Америке множество университетов, одни профилируются на инженерии, другие во главу угла ставят медицину, третьи – гостиничное дело, четвертые – сельское хозяйство. К тому же, часто университеты располагаются в маленьких городках, двадцать тысяч студентов при общем населении в сорок тысяч человек. Вся жизнь здесь сосредоточена вокруг университета и зависит от университета. Естественно, что многие университеты на Среднем Западе США: в Айове, Канзасе, Миссури – специализируются на сельском хозяйстве, у студентов здесь все под руками: поля, теплицы, фермы и даже прерии. Учась и одновременно работая, они набираются не только знаний, но и опыта.

Отцу американский опыт очень понравился, из университетских стен выходят настоящие агрономы, не то что выпускники наших столичных ВУЗов, их в деревню палкой не загонишь. Поневоле на ум приходила знаменитая Тимирязевская сельскохозяйственная академия в Москве. Он уже порывался перевести ее поближе к земле, но наткнулся на ожесточенное сопротивление профессоров, студентов, вообще общественности, к сельскому хозяйству никакого отношения не имевшей, – и отступался. Здесь, в Эймсе, отец убедился, что прав все-таки он, а не общественность и по возвращении домой с удвоенной энергией принялся за Тимирязевку.

Нужно сказать, что в 1865 году, в момент своего основания она, еще не Тимирязевская, а Петровская земледельческая и лесная академия, как и американские университеты, привольно раскинула свои учебные корпуса на подмосковных полях. К середине XX века Москва обволокла Тимирязевку новостройками, заасфальтировала большинство наделов, проложила по ее территории трамвайные рельсы. Отец попенял ученым американским опытом и в который раз попытался переселить Сельскохозяйственную академию сначала в подмосковный совхоз, потом на Курщину, в одно из богатейших дореволюционных поместий, кажется, Марьино, там размещался санаторий ЦК КПСС, а рядом совхоз «Вороново», но все как об стенку горох. В открытую отцу не противоречили, но ничего и не делали, между собой судачили о «противоречивших здравому смыслу затеях Хрущева». Понимая, что сельскохозяйственники, даже ближайшие помощники, тут ему не подмога, он попросил заняться переселением Академии «человека со стороны», своего заместителя в правительстве, «вооруженца», Владимира Николаевича Новикова. Но бюрократическая солидарность взяла верх.

«Для меня вопрос стал ясным, – пишет Владимир Николаевич, – асфальт и тротуары – это выдумка. Профессора, академики из Москвы не поедут. Тянул я с этим вопросом довольно долго».

Наконец подвернулся, по мнению Новикова, подходящий момент. Как он вспоминал, «тогда (в 1963 году. – С. Х.) тяжело складывалось с финансами. (Новиков пошел к Хрущеву.) Никита Сергеевич слушал довольно рассеянно, но основные прорехи схватил сразу... К концу разговора я как бы между прочим сказал, что хотел бы посоветоваться о Тимирязевской академии.

– Ну и что?

– Видите ли, есть два предложения. Одни предлагают перевести ее под Курск (в Марьино, о котором я уже упомянул), другие – под Новосибирск, где активно создается Сибирское отделение Академии наук СССР.

– Ну и что же вы предлагаете?

– Я пока сам лично думаю, что предложение по Курску более допустимо. Ближе к средней полосе, строительные организации есть неплохие, но с членами комиссии окончательно не советовался, хотел хотя бы узнать вашу точку зрения. Дело в том, что ошибочное решение может вызвать бросовые затраты больших средств.

– А сколько будет стоить перевод Академии?

– Примерно четыре миллиона.

Хрущев усомнился: неужели эта затея обойдется в четыре миллиона? Я подтвердил, что если в сумме и будет ошибка, то небольшая, ведь дело надо поставить не хуже, а лучше, чем теперь.

Тогда Никита Сергеевич сказал: – Ну, ее к черту, эту академию, пускай пока остается на месте, а дальше видно будет. Можно предложение не вносить.

О разговоре я информировал членов комиссии, и все оказались рады такому исходу дела. Так прошло недели три. Я присутствовал на очередном заседании Президиума ЦК. Повестка дня заканчивалась, вдруг Хрущев, указав на меня пальцем, сказал: “Вот, посмотрите на этого товарища. Опять угробил вопрос с переводом Сельскохозяйственной академии из Москвы”».

В результате, у отца так ничего и не вышло. Новиков же гордится, считает, что «спас» сельскохозяйственную науку от Хрущева.

«Увы, не все может сделать человек, даже если наделен большой властью и влиянием, – с грустью констатировал на склоне лет отец. – Самый опасный вид сопротивления – поддакивание. Такая тактика усвоена многими в Советском Союзе».

После отставки глухое ворчание сменилось бурей проклятий. Даже сейчас, через полстолетия Хрущеву поминают Тимирязевку как один из самых его больших грехов. Оно и понятно, не в Америке живем!

Тимирязевка и по сей день остается в Петровско-Разумовском, теперь новом, довольно привлекательном районе Москвы. Как научное и учебное сельскохозяйственное заведение, в условиях рынка она обречена, не сегодня завтра столица выдавит ее из своего чрева, теперь уже не потому, что земледельцам нечего делать на асфальте. Сохранившиеся обрезки ее угондией сегодня стоят огромных денег, продажей или сдачей их в аренду под строительство офисов можно сделать миллионы.

В Айове отца вспоминают тепло. В 1995 году я приехал в Де Мойн, прочитать лекцию в местном университете. Практически каждый, услышав мою фамилию, начинал говорить со мной о визите отца. Мои хозяева из университета после лекции свозили меня на ферму Гарста. Хозяин уже ушел из жизни, принимала меня его вдова, она провела по дому, показала террасу, где Гарст с отцом пили чай, попросила расписаться в книге гостей, рядом с автографами моих родителей. Фермой заправлял сын Гарста, такой же большой и надежный, как и его отец. От Гарстов мы поехали в местный capitoлий к губернатору штата. С отцом он не встречался, говорить нам особенно было не о чем. Пока готовились к фотосъемке, губернатор рассказал, что сидит в своем кресле уже восемнадцать лет, посетил многие страны мира и нигде никто не слыхивал об Айове. Недавно он побывал в России. Как только его представили, собеседники заулыбались: «Как же, Айова, Хрущев оттуда привез в Россию кукурузу».

– Ваш отец сделал наш штат знаменитым, – сказал на прощание губернатор. – Как и саму кукурузу. Ее у вас возделывали задолго до него. Но он превратил ее...

– В «королеву полей», – подсказал я, вспомнив давний советский мультик с таким названием.

– Вот-вот, совершенно правильно, в королеву, – засмеялся губернатор.

На том мы и распрощались.

В 2009 году Айова отметила пятидесятилетие визита Хрущева, в университете провели конференцию, в газетах напечатали статьи, в районном центре Кун Рэпидс прошел показ сельскохозяйственной техники, а на ферме Гарста устроили музей, особо упомянув, что ее посетил Хрущев.

Кукуруза, как и прежде, крепко сидит на айовском троне. Тимирязевская академия по-прежнему держит оборону в центре Москвы. Каждому свое.